ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРИИ, ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 2 коп.

Ежемесячное беспартийное приложение к „Коммуне"

12 АПР 1927 БИБЛИОТЕКА

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 4. | Февраль 1927 год | № 4.

Рабкоровское

од лавкой заиндевел угол,
окнами синяя гладь.
печке лежит под дерюгою
тяжелыми думами мать.

Ей мнится дымящийся город
И я над бумагой с пером
Таким же задумчиво-строгим
Как дома за ветхим столом.

видны за окнами снегом
скрытые крыши, плетни,
мальчиком резвым я бегал
далекие детские дни.

Продумавши все по порядку
С заботой слезает она
И в печку как будто украдкой
Тихонько бросает дрова.

печка в лицо ее скудно
черошним дышит теплом.
окнами снежные груды.
Морозный за окнами звон.

Вдруг скрипнула дверь у порога
Над сумкой застыл почтальон.
— Газета—порывшись немного,
Промолвил тихонько он...

И что то искала прилежно
В страницах рябеющих мать.
Потом чью-то подпись нежно
Она начала целовать.

М. Кольчугин.

К ЧИТАТЕЛЮ: Разрежь внизу и последний лист вложи в средину первого—по порядку №№ страниц.

МОЯ ПЕСНЬ

Живу я в плену у певучих созвучий;
За кем,
И куда мне итти?..
Кто даст мне завет, неизменный и лучший,
Не смолкну ли я на пути?..

Я в мире стихов.
Он—велик и чудесен.
А песнь!..
Сравнится-ль что с нею?
Сложил я в душе многострунные песни,
Но петь их
Еще не умею...

В душе
Столько красок, напевов и дум!
Как их передать, как пропеть их?
В них тополя шепот и ветра в них шум.
Но, я,
Не пою песни эти.

Учусь.
Научусь свои песни пропеть,
Мой голос окрепнет с годами.
И солнце будет гореть
Созвучно с моими стихами.

Все в мире напевно. Живое поет,
Чтоб ярче лучи заблистали,
Прекрасным и бодрым напевом зовет
К лазурной и солнечной дали.

Дай силы мне, чудное солнце!
Мечта!
Тобой моя жизнь согрета...
Но самая лучшая песнь, это та,
Какая еще не пропета.

Измаил Голубев.

Рассказ
Ив. Кожухова

Партийно-духовная любовь.

1

Много сел богатых и бедных рассеяно по необ'ятной советской земле. Что ни село, то на самом видном месте маячит церковь. Но с тех пор, как земля, взрастившая такое множество церквей, стала землею советов, в нее все крепче врастают ячейки ВКП и комсомола. Ячейка — та или другая — есть почти в каждом селе, и потому все мрачнее и неприветливее выглядят древние церкви...

В том самом селе, где дьякон Христославский так часто воюет с своей дьяконицей, на одну церковь приходится целых две ячейки: ВКП и ВЛКСМ. Про дела этих ячеек со временем расскажет обновленная деревня, а пока что — пусть будет рассказано о том, чему причиной послужила одна из ячеек — комсомольская.

Когда комсомольцы ставили спектакли или доклады с лекциями устраивали, к ним в клуб стекался народ всех близлежащих деревень. Повадилась в этот клуб ходить и Симочка — дочь дьякона. Присмотрелись к ней ребята и однажды специальной бумажкой вызвали в ячейку.

— Гражданка Христославская,—об'явил комсомольский отсек, — наш президиум, рассмотрев заявление завклубом товарища Козырева, постановил: привлечь вас к общественной и культурной работе, как местную культурную силу.

Симочка просияла, в ее голубых глазах блеснули довольные огоньки и она ответила:

— Согласна... даже рада буду.

Симочка окончила вторую ступень, хотела учиться дальше, но помешали житейские обстоятельства: у дьякона с дьяконицей их, дочек, семь штук да на прибавку два сынка. Дьякон все чаще, приходя из церкви, ругал и попа и прихожан. Даже самые основные требы, как свадьбы, крестины и похороны, уже не по прежнему улыбались прибыльно ему, зато он и пил пуще прежнего.

Дьяконица становилась все злее, от нее нередко доставалось и Симочке. Только в хорошие минуты она радовала дочку—прочила ее замуж за молодого... овдовевшего попа—живоцерковника.

Симочка тянула в обратную сторону и охотнее выполняла все задания ячейки. Она даже попыталась вступить в ряды комсомола, но принимая во внимание ее духовное происхождение и малый общественный стаж — ячейка постановила:

— Временно воздержаться.

Не воздержался лишь завклубом Козырев и как то незаметно для себя влюбился в Симочку.

Дьяконица про это долго не знала; дьякон же обо всем догадался сразу и увидел в этом некоторое откровение мучившей его житейской тайны.

Семья — куча, рассуждал он, — доход сокращается. А он, подлец, комсомолец этот—и с властью и с партией соприкасается. И если там между ними... ну партийно-духовная любовь заведется, то и для меня будет прицепка. И если не райские, то уж советские-то двери откроются...

Как только Симочка из дому — отец Виталий сейчас к дьяконице и с хитроумными намеками развертывает перед нею свои планы. Ругани он не боялся и драки тоже...

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

2.

Солнце золотилось на гладкой поверхности пруда. К вечеру зашумело село, а на дьяконовском просторном крыльце шумел большой никкелированный самовар. За столом сидела вся многолюдная семья.. Сам отец дьякон, в растегнутом белом подряснике, осел в углу ж, время от времени, вытирал большим платком потеющее лицо. Дьяконица разливала чай, посматривала на детей, а в особенности и как то подозрительно на Симочку.

— Мы вот тут с отцом о тебе толковали,— заговорила она, обратившись к Симочке,—и все же порешили: приискать тебе жениха из духовных.

— И не говорил я этого, и не решал, врешь ты мать,—хрипло отозвался дьякон,—и никаких духовных женихов Симочке не рекомендую.

Симочка заметила свежую впадину на боку самовара и, чтобы переменить разговор, спросила:

— Кто же это самовар помял? Папа, кажется, сегодня не напивался.

— Он хуже пьяного стал, кровопивец,— сердито ответила дьяконица.

— Я тут при чем?! не менее дьяконицы осердился отец Виталий.—Я сам измят больше, чем ваш самовар, самой жизнью измят!.

Дьяконица уставилась на дочь.

— Ты вот что, Симочка, брось эти свои затеи с комсомолом! Запутает тебя один из них, еще женится...

— Как же, станет он связываться с вами! ехидно вставил дьякон,—словно у него другой не найдется, из более классового элементу!.

Симочка вспыхнула, опустила глаза и отвернулась.

— Ах, что они только думают про меня! — работаю я в комсомоле так... от скуки. Может быть учительницей куда пристроюсь, а они о женитьбе.

— Вот именно, о женитьбе! — сказала дьяконица,—чем тебе не жених отец Михаил. Хоть и вдов он, а совсем молодой... к тому же живой священник, тот же большевик церковный.

— Прохвост!—запальчиво ответила Симочка.

Дьяконица изменилась в лице. Дьякон приподнялся и внушительно начал:

— Эх, мать, из ума мы с тобой выживаем. Теперь весь курс должен быть на большевизм. Я бы сам в какие угодно сверхбольшевики ушел, если бы за это, ну скажем приход богатый дали или должность подходящую...

Дьякон говорил долго, его уже никто не слушал.

Спускались тихие сумерки.

3.

Отец дьякон не причислен к трудовому элементу, но добрый месяц май не посмотрел на это и украсил его садик наравне с остальными. Со всех сторон его садик обнесен живой изгородью акаций, в садике и цветы и зелень и тени. Есть в нем такой уголок, где ветви сирени переплелись вверху заманчивым сводом.

Вечер выдался теплый и пахучий, в лунном свете дремал дьяконовский сад, в саду надрывался соловей, а тут же под сиренью, на темной скамейке сидели рядом комсомолец Козырев и Симочка. Луна дробила о ветви акаций свои золотые улыбки, но целиком и полностью не могла разглядеть сидящих на скамейке. Симочка прижималась к плечу комсомольца Козырева и шептала:

— Все дело за тобой... заяви ты прямо моему отцу, в особенности матери.

— Ни за какие деньги!—тоже шепотом отвечал Козырев — я активный комсомолец, кандидат в партию, да буду об'ясняться с твоими попами?

— Но, что они скажут, если все так неожиданно?

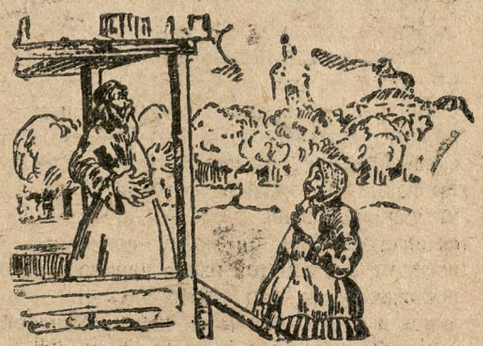
— Что бы ни сказали... Шепот становился тише....

На дорожке за садом, черной громадной тенью стоял дьякон с открытой вз'ерошенной головой. Он смотрел на глубокое небо с зеленоватым отливом, на луну, вспоминал свое прошлое, но больше все таки думал о будущем.

— Наверное они уж тут, дьяволы!—подумал он и рассуждал про себя. Подай господи... Зять партиец... при родстве все возможно, приход богатый, нет, черт с ним и с приходом... Лучше советская должность.

Незаметно для себя дьякон очутился на углу сада. До него донесся сдержанный шепот:

«Так... должно целуются. Дело будет. Аминь!»

Дочка-то твоя сейчас расписалась... с комсомолом.

Втайне радуясь, дьякон на четвереньках крадется ближе. По зелени акаций, светлой под луною, уродливо расплывается его тень. Снова прислушивается... из сада доносится шепот.

— Т-с-с... словно кто-то возится по близости...

— Н-н-ет, — еле уловимо отозвался женский голос, — это так почудилось... А может быть наш Полкан, он по ночам без привязи, на воле шатается...

Осторожно и тихо, почти не дыша, на четвереньках, дьякон отполз назад.

Так он добрался до крыльца и только здесь вздохнул вольно. Встал, выпрямился, расправил волосы. Улыбалась луна, но более счастливая улыбка сияла на лице дьякона.

4.

Отец дьякон продолжал служить, пить и ожидать. Как то перед раскрытым окном в своей комнате он сидел один, никем не тревожимый и писал письмо... комсомольцу Козыреву. Письмо это гласило:

«Гражданин и товарищ Козырев! Являясь членом ВЛКСМ и кандидатом в правящую партию ВКП (б), вы должны по степени своей сознательности признать своим нравственным и моральным долгом выслушать мое настоящее об'яснение, которое я, по долгу свободного гражданина СССР, считаю своей отеческой обязанностью вам об'яснить, а именно: мне доподлинно известно ваше весьма благонамеренное отношение к моей старшей дочери Серафиме, 19 лет, на предмет будущего супружества. Я этому не протестую, как это делают люди со старыми закоренелыми предрассудками смотрящие на жизнь и религию, и соглашаюсь на ваш взаимный союз, записавшись только в ЗАГС'е, видя в этом залог будущего.

Лучше было бы закрепить этот ваш союз в церкви, разумея взгляды моей жены, являющейся матерью моей дочери.

Но входя в ваше формальное положение, вам этого делать нельзя, особенно на виду публики, столь революционно и к церкви, и к советской власти настроенной. В 13-ти верстах от нас, в селе Мещерском священствует мой брат, о. Григорий, который в эпоху военного коммунизма тайно обвенчал одного продовольственного комиссара. Брак он может совершить поздним вечером, в закрытой извне церкви. Так было бы положительнее, но повторяю, что это нужно лишь в отношении моей жены, вашей будущей тещи, которая вопреки окружающему одержима предрассудками, этим наследием незабываемо-проклятого царизма.

... Ему уже чудится громадный дьякон...

Я человек по новому на все смотрящий, в том числе и на ваш брак, не допуская в этом намерении с вашей стороны никаких действий, караемых нашими советскими законами. Решайте вашу судьбу поскорее, полагаясь на меня как на сторонника строительства, готового при вашей поддержке и под руководством власти итти против вредного дурмана.

Гражданин В. Христославский».

Дьякон несколько раз перечитал это письмо, улыбнулся, но вдруг задумался: с кем и как его передать?

«Нет, — решил он, — выжду случая сам вручу.

Дьякон долго носил письмо в широких карманах подрясника и утешал сам себя:

— Ладно, только бы обратать его, этого кандидата, всем попам тогда нос утру...

Однажды — это было уже в конце лета — дьякон сидел на крыльце и мечтал. Он представлял себя каким то начальником в учреждении, кругом мужики, бабы, все просят его и суют потихоньку — кто деньги, кто холстину, кто яйца...

Перед крыльцом неожиданно появилась какая то баба из села.

— Отец дьякон, — сообщила она, — а дочка то твоя сейчас расписалась: с комсомольцем с этим...

Дьякон вскочил с места, уставился на бабу и язык у него словно отнялся...

* * *

Говорят, что на радостях дьякон пил и плясал без подрясника. Но для комсомольца Козырева с того дня, как он расписался с дьяконовской дочкой, началась кочевая жизнь. Был он и избачем верстах в пятидесяти от своего села и фининспектором по глухим районам губернии.

Но везде и всюду его находит дьяконица с длинным письмом от дьякона. Бывает и так, что темными вечерами заявляется сам дьякон, — его появление приносит комсомольцу Козыреву новые пытки и ужасы.

Даже по ночам, если ветер загремит ставнем, ему уже чудится громадный дьякон с очередной письменной просьбой в руках...

Ив. Кожухов.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРЕЛОЧНИК

(Баллада)

В трауре жуткие дни...
Воспоминаний потоки.
Ночь.
Полустанок.
Огни
На семафорах высоких.
Памятью цементных плит
Бой вспоминая вчерашний,
Черною тенью стоит
Водонапорная башня.
Насыпь песочная—путь
Темной полоской, длинной
Тонет в полночную муть
Тишью об ятой долины,
Тихо с востока плывет
Звезд золотистая порошь
Что то ушами ворот
Слушает каменный сторож,
Тих опустевший вокзал,
Лишь под пакгауза крышей
Кто то тихонько сказал:
— «Слышишь?
Ответило:
— «Слышу»—
Встал человек в темноте
Сунув револьвер за пояс...
Где то во мраке путей
Тихо попыхивал поезд.
— «Близко... бегут... Не робей!
«Помнишь отряд?
«Не от них ли?».
К водонапорной трубе
Двое прижавшись утихли.
Хныкали рельсы вдали
И с беспокойною дрожью
Врангеля поезд вели
К мертвенному Запорожью.
Вздрогнул проснувшись
тупик,
Скрипнули шпалы и разом
Выглянули из степи
Три ослепляющих глаза.
Гулкий, отрывистый рев
Эхом помчался в долину
И на глухом пустыре
Будто растаявши,
сгинул.
Сотнею скачущих ног
Тени неслись по лощине
Месяц—багровый челнок
Плыл по небесной пучине.
Рвал паровоз на пути
Тьму огневыми глазами
К башне, стуча, подкатил
Грянул парами и замер.
Входы в зеленый вагон
Посыпались шпоровым
звоном.
Голос в дверях:
— «Эшелон!»
И... на мундире погоны
— «Башню с пакгаузом
Марш!».
Слышались выкрики.
— «Живо»!
Близился жуткий кошмар
Ставции гулкого взрыва.
Полнилась жутью душа
Дверца захлопнула
тормоз.
В белом мундире спеша,
Кто то сошел на платформу.
«Вот они... вот... враги.
Бились в темени мысли
Ближе стучали шаги,
Гирями на сердце висли.
Белый усач подошел
К темной фигуре вплотную,
Крикнув назад:
— «Карашо!«
«Пуста та я»
«Заклядую!»—
Взрыв ожидал человек,
Тихо над трубами сидя
Вдруг пронеслось в голове:
«С поезда трубы не видят».
Злобу бесшумно плеща,
Прыгнул с трубы на злодея
Словно в железных клещах,
Хрустнула толстая шея.
Выронил тот «наган».
А из окна штаб-вагона
Нервно кричал капитан;
В штабе не слышали стона.
А в глубине пустыря
Снова пути застонали,
Снова огнем фонаря
Резались темные дали.
Жаждою битвы дыша,
С дрожью,
по коже морозом
Резко хлестнул по ушам
Гулкий сигнал паровоза,
Снова кричал капитан
Злобы удавленный комом
Жутко в полночный туман.
Вражьего поезда гомон,
Нет.
Из скривленного рта
— «Марш»!—
пронеслось по вагонам
Снова платформа пуста.
В окнах мигали погоны,
Длинный вагонов стан
Двинулся серой колонной
Поезд умчался в туман
Сгинул во тьме забубенной.
В поле накрапывал день
Неба светлеющий купол
А черноусый злодей
Спал у пакгауза трупом.
Вышел на свет
из тени
Стрелочник—старец высокий..
В трауре жуткие дни...
Воспоминаний потоки.

Михаил Зайцев.

НА ФРОНТЕ Февраль—Октябрь

(Рассказ С. Корнева)

I

Ночь. Светлая, галицийская, зимняя ночь. На фронте — тихо. Ни выстрела, ни звука. В халупе у попа огонь. Не спит. Читает текст отречения царя от престола. Слезы одна за другой капают на прыгающие буквы.

— ... Благочестивейшего... самодержавнейшего... — лопочет поп — великого...

К горлу подступило удушье, челюсть запрыгала, и он разрыдался...

Вошел денщик и, увидя разрюмившегося попа в недоумении остановился, позабыв зачем пришел.

— Гри-Григорий, а Григорий, ты не сердишься на меня?

— Нет, батюшка, как можно.

— Не сердись, голубчик, на меня не сердись, ведь я... я такой же как ты — я... я тоже...

Слезы не дали ему докончить своей мысли и он вздрагивая всем телом, вдруг встал на колени...

— Помолимся... давай, милый... позови певчих... Помолимся заступнице... пресвятой богородице.

Плохо соображая в чем дело Сурженко вышел. Через полчаса халупа наполнилась молитвенным пением и крепким запахом ладана. По окончании богослужения, со слезами на глазах, поп по секрету прочел отречение царя от престола, приведя в совершенно неожиданный восторг солдат, выслушавших это ужасное для попа событие.

Через час, несмотря на глубокую ночь, весь полк был на ногах. Село гудело. По улицам толпились солдаты. Всюду был шум, говор. Около одной халупы зазвучала речь. По селу зашмыгали офицеры и скоро вокруг штаба собрался почти весь полк. Внутри мелькали и суетились фигуры. К собравшимся вышел ад'ютант полка и об'явил, что акт отречения будет прочтен завтра. Но, в ответ на его заявление, кто то затянул «Марсельезу». Сзади подхватили.

Положение создавалось совершенно недопустимое. Полковник метался из угла в угол и, наконец, решил: об'явить немедленно. Полк выстроился в поле, версты за две от деревни. Посредине было устроено нечто, вроде походной церкви.

Началось молебствие с акафистом и земными поклонами. Офицеры тесным кольцом окружили попа и как то особенно, не по офицерски, крестились под влиянием вдруг нахлынувших событий чреватых самыми неожиданными последствиями.

В конце молебна поп, со слезами на глазах обратился к солдатам с трогательной речью, доказывая, что отречение царя от престола это «божье наказанье» за неповиновение царю и грехи «предстоящих и молящихся».

Полковник развил мысль священника и ловко затушевал акт отречения, как будто ничего и не произошло, кроме формальной передачи с «божьей милостью» власти царя к другому. Революционный порыв был застопорен.

— Головки, штыки выше!

— Прямо!

— Шире шаг!

— Ать, два!

Бойко командовали офицеры, почувствовав снова в своих руках стройно зашагавшую машину.

II

Красными лентами тянутся вдоль фронта русские окопы. Раз революция — значит войну долой. Это первое дело.

Враг и тот это понимает и ни одного патрона по русским окопам не пустит.

— Братушка, — кричит Сурженко — домой, будя! — И садится на передовой бруствер, торжественно завертывая папиросу.

Братанье по фронту шло во всю, несмотря на ряд приказов. Делались провокационные вылазки, но немцы упорно молчали. Ни выстрела, ни звука.

Тишина-то какая! — с умилением говорит Сурженко

— Перед грозой, — поясняет ему Фома, — на корпусном с'езде постановили наступать... Сам Керенский приезжал...

— Плевать!

Ш.

И полк, несмотря на целую серию самых страшных приказов не выступал, полк оставался в окопах, продолжая «митинговать» под звуки как-то вдруг зашумевшей справа и слева орудийной канонады.

Часам к 10 вечера по дорогам стали выстраиваться обозы. Прошла батарея, другая...

— Домой?

— Прорыв, слышь, отступаем...

— Ну?

— Вот, те и ну...

— Довоевались...

— Поп еще вчера улизнул, а тоже: «братцы, с богом, спасем отечество»... Чорт косматый!

Сурженко злился. Его собеседник угрюмо повесил голову. Всю ночь шли — ничего, тихо. Казалось только, что на немца воротит командир. И солдаты сами по звездам старались определить дорогу. Но едва стало подниматься солнце, как обоз остановился.

По ясному небу двигалась черная точка, приковывавшая к себе внимание всех.

А вот и знакомый, свистящий звук. Лошади шарахнулись в сторону. Посреди обоза взвился земляной столб и облако пыли и дыма заволокло небо.

В халупе у попа огонь. Не спит. Читает текст отречения царя от престола.

Братушки,—кричит Сурженко,— домой. Будя!

— Кавалерия!

— Кавалерия!

С быстротой молнии ужас охватил движущуюся массу и она со всего маху, как налетевшая на риф волна разлетелась, рассыпалась по широкой Галицийской равнине.

— Слева!

— Справа!

— Вот!

— Вон!

Смешалось все. Груженые повозки обоза замерли мертвыми точками и лентами по дорогам, распластав по земле осиротевшие оглобли.

Впереди послышались могучие взрывы, потрясающие почву. Клубы дыма высоко взвиваясь застилали горизонт оседающей пылью.

Под Манастаржицком взрывали артиллерийские склады.

IV.

И вдруг:

Мир!

Большевики заключили мир. Большевики — за мир. Долой войну. Долой кровавую учредилку.

Мир!

И фронт пошел.

И солдаты, не требуя ни продовольствия, ни денег, ни поезда — шли. Шли тысячи верст голодные, холодные. Но шли довольные и веселые. Шли домой, в Россию, к рабочим большевикам, заключившим мир с немцем и об'явившим «мир хижинам и войну дворцам».

С. Корнев.

НА СТРОЙКЕ

I.

Я утром вышел на дорогу,
На солнце радужная пыль,
Клубясь задором и здоровьем,
Одела юношеский пыл.

На стройку взгляд горящий вскинув,
Сжимая ручку над плечем,
Таскают согнутые спины
Носилки с красным кирпичем.

Таскают балки, бревна, глину,
Таскают цемент и песок,
Веселой вереницей, длинной,
По сходням скованных досок.

И с каждым взятым новым камнем,
И с каждым поднятым бревном
На пустыре, большом, недавнем,
Растет иной огромный дом.

II.

Но то не я, таскаю, строю,
Я, словно в поле пень, один.
Среди встревоженного роя,
Стою, и сердце бьет в груди.

Стою! Пережитое рою.
Сгребаю граблями года,
Но годы, вставшие горою,
Об'яты заревом труда.

И в днях, промчавшихся бураном,
И в днях, проползших, как туман,
Подхвачен был под'емным краном
И брошен в гулы чугуна...

III.

И если тут таскают, строют,
То как же быть холодным мне?
Среди встревоженного роя,
Не стану молча, в стороне!

Рванулся радостно и пылко,
Лишь миг, и грузно на плечах
Легли огромные носилки,
С тяжелой грудой кирпича.

И с каждым взятым новым камнем,
И с каждым поднятым бревном,
На пустыре большом, недавнем,
Растет иной огромный дом.

Гр. Щербаков.

ВЕСНОЙ

Заплатой серой—снег в овраге —
И лес и тени... И сер и сыр,—
Но крепок дух весенней браги
И хмельны соки вешних сил.

День расплескался нов и светел
И золотым крылом звеня
Апрельский неуемный ветер
Зовет на волю зеленя.

Сергей Дмитриев.

В РОТЕ

За окном распелась вьюга...
За окном шумит метель.
А гармонь, гармонь,—подруга,
В роте сыплет звонко трель.
Разгорелась жарко пляска
Поздним зимним вечерком;
Перед другом пляшет Васька,
Чтоб не «вдарить в грязь лицом».

Здесь веселье, смех и шутки,
И насмешки, и задор.
И звучат, звучат частушки
Под гармонь и звоны шпор.
Про родные заводы,
И про жизнь деревень.
Про далекие походы,
С трехлинейной—в жаркий день.

А. Тимофеев.

ЗНАКОМАЯ ДОРОГА

На деревьях иней понавис сыпучий,
Роща, как старуха, в серой седине.
Круглолицый месяц вылез из-за тучи,
Скользкую дорогу осветивши мне.
Ах, дорога эта!.. Много вспоминаний
Связано с тобою у меня теперь:
Тут ходил я прежде к милой на свиданье,
Пробираясь лесом, словно дикий зверь.
И не раз, бывало, утренней зарею,
Отряхая росу с травки молодой,
Или снег пушистый брызгая ногою,—
Возвращался снова радостный домой.

Закатилось солнцем время тех свиданий
Но на смену рдеет зрелости рассвет...
Серебрит сугробы лунное сиянье.
Искрятся снежинки, излучая свет.

Сергей Борисов.

Гублит № 394

Редактор: Редакционная коллегия